

- ¹⁶ См.: Вилков А.А., Данилов М.В., Казаков А.А., Попонов Д.В. Актуальные политические проблемы глазами жителей Саратовской области (результаты социологических опросов) // Изв. Саратов. ун-та. 2009. Новая серия. Сер. Социология. Политология. Т. 9, вып. 2. С. 81–84.
- ¹⁷ Орлов Б. Социал-демократия в XXI веке: проблемы, поиски, перспективы. Ч. 1 // [http://www.politobraz.ru/avtorskaya-kolonka/2009-06-22/sotsial-demokratiya-](http://www.politobraz.ru/avtorskaya-kolonka/2009-06-22/sotsial-demokratiya-v-xxi-veke-problemi-poiski-perspektivi-chast-1.html)

[v-xxi-veke-problemi-poiski-perspektivi-chast-1.html](http://www.politobraz.ru/avtorskaya-kolonka/2009-06-22/sotsial-demokratiya-v-xxi-veke-problemi-poiski-perspektivi-chast-1.html). – 05.07.2009.

- ¹⁸ Кроме того, нужно учитывать имитационный характер оппозиционности «Справедливой России», которая нацелена против бедности, коррупции, бюрократии, против «партии чиновников» и т.п., но при этом не затрагивает стратегического курса преобразований, обозначенного президентом и председателем правительства.

УДК 321.1

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.И. Брянцев

Поволжская академия государственной службы,
кафедра политологии
E-mail: bryancevii@saratov.gov.ru

В статье рассматриваются особенности современного восприятия терминов «диаспора» и «национальное меньшинство». Большое внимание уделяется выявлению причин и факторов, определяющих процесс межэтнической коммуникации в сложной поликультурной среде крупных городов.

Ключевые слова: диаспора, национальное меньшинство, межэтническая коммуникация.

Ethnic-cultural Peculiarities of Modern System of Political and Domestic Relations

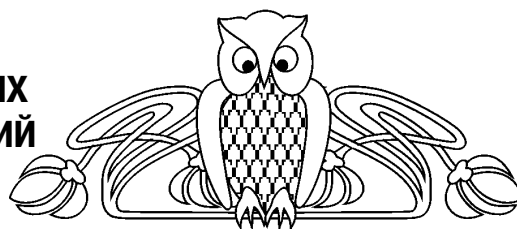
I.I. Bryancev

In the article the peculiarities of modern perception of terms «diaspora», «national minority» are considered. There is devoting much attention to fundamental analysis of motives and factors determined process of inter-ethnic communication in the complicated social environment of big towns.

Key words: diaspora, national minority, inter-ethnic communication.

На рубеже XXI в. пространство политических и социокультурных институций стало претерпевать существенные изменения. В терминологию политики на равноправных основаниях с такими категориями, как «государство», «класс», «раса», «страна», «этническое меньшинство», полноправно вступила «диаспора».

В условиях глобализации, когда складывается новая картина мира, связанная с превращением планеты в единый социокультурный организм, на первое место выходит проблема, связанная с новой организацией социальных сообществ. «Доминировавшая еще до недавнего времени форма раздельно-компактного проживания социокультурных общностей меняется на дисперсную («диаспоральную») организацию человеческих сообществ»¹.

Поступательное и стабильное развитие систем международных отношений как на глобальном, так и на региональном уровне невозможно без решения проблем «разделенных народов». Подавляющее большинство современных межгосударственных проблем в странах постсоветского пространства, а также с недавних пор и Европы (Франция, Нидерланды, Бельгия) связано с разрешением этнополитических конфликтов, в которых выступали представители «разделенных» народов, с одной стороны, и государства (территории проживания) – с другой.

В последние годы российскими политологами, социологами, правоведами опубликован ряд работ, посвященных исследованию предмета диаспоры². Положение российской диаспоры в странах ближнего и дальнего зарубежья является темой многочисленных дискуссий, статей в периодической печати, научных конференций и круглых столов.

Тем не менее пока только на уровне дискуссий задается вопрос о применимости к русским в ближнем зарубежье термина «диаспора», поскольку здесь терминология «рассеянности» (дисперсности) не совсем уместна – это не они покинули страну, а страна «уехала» от них. Открытым остается и вопрос о правопримемости термина «диаспора» на территории России по отношению к этнокультурным меньшинствам, постоянно проживающим на территории России и имеющим свои национально-территориальные институции за пределами РФ. Не менее спорные вопросы вызывают и термины «титальный», «коренное население», поскольку неясны хронологические рамки при определении данных понятий, да и термин «меньшинство» вызывает серьезные затруднения при изучении данной тематики, поскольку, например, только в России субъектами федерации при разработке региональных национально-культурных политик используется более 20 формулировок этого понятия.

В. Мукомель выявил, что в законодательстве субъектов встречаются определения, не используемые на федеральном уровне: «этнические меньшинства» (Татарстан, Хакасия), «этнодисперсные меньшинства» (Томская область), «коренные национальные меньшинства» (Бурятия), «национальные общности» (Свердловская область), «малочисленные национальные общности» (Красноярский край), «малочисленные этносы» (Якутия), «коренная нация» (Калмыкия), «коренные народы данного региона» (Кабардино-Балкария, Калмыкия, Татарстан, Хакасия, Алтайский, Приморский края, Свердловская область), «коренной этнос» (Хакасия), «титularyный коренной народ» (Карелия), «коренное население территории» (Дагестан, Хакасия, Иркутская, Томская области), «этнические группы» (Коми, Дагестан, Якутия), «этнические общины» (Адыгея), «этноконфессиональные и этнокультурные группы» (Бурятия)³.

Такое разнообразие дефиниций в регионах – результат не только учета местных особенностей, но и отсутствия внятной регламентации понятийного аппарата, в том числе и в законодательстве Российской Федерации.

На наш взгляд, термин «коренные» (жители) нередко трактуется как право на дополнительные преимущества на данной территории, что воспринимается как нарушение гражданских прав всеми другими национальностями. Так, Л.М. Дробизева, проанализировав практику использования термина «коренной», приходит к выводу, что в настоящее время политики и ученые стараются как можно реже или вовсе не употреблять данный термин, используя, с их точки зрения, синонимичное «титularyные (нетитularyные) национальности»⁴.

В. Мукомелем предложена расширительная трактовка понятия национальных меньшинств, к которым отнесены представители ряда этнических групп:

- постоянно или преимущественно проживающие в инонациональной среде субъекта РФ и не относящиеся к титульному народу данного субъекта;
- численно находящиеся в меньшинстве на территории данного субъекта;
- имеющие гражданство РФ;
- признающие себя национальным меньшинством;
- не относящиеся, в соответствии с федеральным законодательством, к коренным малочисленным народам.

В соответствии с данными критериями, *эта трактовка распространяется на все народы, проживающие вне «своих» национально-территориальных образований, включая русских, находящихся в меньшинстве на территории данного субъекта государства.*

Столь широкие рамки дефиниций – результат сложности определения сущности категории «меньшинство». Выработке единого определения понятия препятствуют существенные причины,

основными из которых, по мнению специалистов, являются следующие: разнообразие реальных групп, к которым применяется данный термин, разнообразие социальных контекстов, в которых (со)существуют эти группы, разнообразие позиций заинтересованных сторон (правительств, политиков, научного сообщества, представителей групп «меньшинств»)⁵.

В международной правоприменительной практике существует несколько попыток классификации меньшинств, основанных на ситуациях, в которых они находятся. За основу могут брать исторические особенности образования групп меньшинств, концептуальные различия между «корпоративными» и «коммунальными» объектами и субъектами международного права (соотношение между понятиями «государство», «нация» «коренной народ», «меньшинство» и т.д.) либо географические особенности существования меньшинств на разных континентах вместе с историческими закономерностями их возникновения⁶. Существуют и типологии, основанные на способе включения меньшинства в население страны либо на основе политических ориентаций большинства и меньшинства⁷.

В рамках целей, обусловленных данным анализом, наиболее характерным видится применение классификации, предложенной А. Эйде, директором Норвежского института по правам человека, в специальном докладе Подкомиссии ООН по защите меньшинств⁸. А. Эйде отмечает, что многие проблемы связаны с политикой, избираемой группами большинства и меньшинства, а также политикой правительств. Он подвергает сомнению элемент определения меньшинства через меньшую, по сравнению с населением государства, численность. Такие группы должны иметь преференции защиты до тех пор, пока они, благодаря своей численности, не получают возможности влиять на демократический процесс принятия решений в обществе. Однако эти группы, являясь меньшинством в населении страны, могут составлять большинство в определенных ее частях, где они сами иногда проводят репрессивную и/или дискриминационную политику. Эта проблема особенно серьезна в регионах (республиках), имеющих определенную степень автономии внутри данного государства.

Далее А. Эйде разделяет меньшинства на четыре категории: группы, обосновавшиеся на постоянное жительство; недавние мигранты; компактно и *дисперсно* проживающие группы меньшинств; группы, отличающиеся, в определенном смысле, от остального населения (в отношении религии, языка, этнической или культурной идентичности).

Ф. Хекман, основываясь на исторических особенностях возникновения меньшинств, предложил следующее **политическое понимание** этнокультурного меньшинства: *«Гетерогенные (в отношении) социальной структуры группы, про-*

живающие в результате возникновения буржуазной нации, изменений государственных границ, либо конфликтов между нациями-государствами на территории иного по отношению к их национальной идентичности, культуре и истории государства. В качестве граждан они лишены определенных гражданских прав... и часто подвергаются сильному ассимиляционному давлению. Их **политической целью** является присоединение к тому государству, которому они принадлежат в терминах их культурной идентичности и которое поддерживает их экономические интересы»⁹.

Особенностью является включение в данное определение меньшинства политической цели. Однако его недостатком, на наш взгляд, является ограничение применения из-за привязки к группам, разделенным государственной границей, поскольку это в разных политических условиях будет приводить к разным толкованиям меньшинства – в одних они будут «объявлены» иммигрантскими группами, в других – национальными меньшинствами, что, в свою очередь, ведет к совершенно разным правоприменительным практикам.

В то же время категория «граница» позволяет нам применить это определение и к диаспоре. Й. Шаин определяет диаспору как людей с общим происхождением, которые проживают на относительно постоянной основе за пределами своей этнорелигиозной родины (отечества), будь она реальной или символической¹⁰. Трактовка термина «диаспора» предполагает более широкие коннотации, ибо члены диаспоры себя таковыми не ощущают, а их идентичность часто связана с другими социальными коалициями – принадлежностью к государству проживания, профессиональной идентичностью и т.д. Диаспора представляется скорее ситуативной характеристикой, определяющей некоторую социально-экономическую, часто политическую, структурную компоненту современного (индустриального) государства.

На общегосударственном и международном уровне диаспора уже приобретает статус актора политического и международного права. Основным аспектом изучения диаспор на общегосударственном уровне, по меткому замечанию В. Тишкова, является проблема «формы и степени влияния диаспор на внутригосударственную политику. Диаспоральная деятельность рассматривается также в контексте вызова существующим государственным институтам, основанным на базовых принципах гражданства и лояльности со стороны тех, кто проживает в очерченном государственными границами пространстве. Диаспоры подвергают эрозии этот давний принцип мироустройства, и государства вынуждены менять свои подходы к институту гражданства»¹¹.

При этом диаспоры оказывают существенное влияние как на государства, где они не проживают

(страны исхода), так и на государства нахождения (страны-реципиенты). Своими претензиями на значимые позиции в государстве, где они «уже» не проживают, диаспоры ставят под вопрос такой ключевой аспект государственности как суверенитет. Примером тому может служить влияние «российской диаспоры» на внешнюю политику в отношении прибалтийских государств. В. Тишков приводит еще один пример – заявления лидеров армянской диаспоры в России по поводу избирательных кампаний в Армении, когда они заявляют, что им «не безразлично, как проходят выборы на родине»¹².

Позиция Й. Шаина во многих моментах согласуется с рассуждениями В. Тишкова. Й. Шаин также склонен к пониманию того, что в явлении диаспоры доминирует в основном политическая составляющая, и поэтому предлагает понятие «политическая диаспора». Политическая диаспора определяется как группа людей общего этнического происхождения, проживающих за пределами захваченной или независимой территории страны своего происхождения¹³. Важным моментом здесь является идея границы, поскольку диаспорами могут считаться только те этнические расселения, которые находятся за пределами государства исхода.

Члены политической диаспоры могут периодически мобилизовываться национальными лидерами и движениями как внутри, так и вне страны своего проживания и происхождения, а также примыкать к какой-либо акции или же группе, выражая свою лояльность данному лидеру или движению. Природа и диапазон вовлеченности диаспор в дела страны исхода зависят в большей степени от размера и многообразия диаспорных общин. Обычно бывает очень трудно узнать размер диаспоры, ее состав, размещение и особенно ее предрасположенность вникать в политику страны исхода. Это наглядно демонстрирует, что представители диаспоры, несмотря на свою «надтерриториальность», мыслят и действуют территориально, причем, как правило, в пользу территории исхода. В качестве представителей этнических меньшинств они выступают лоббирующей силой, чаще в отношении поддержки мультикультурности и поддержки меньшинств на территории принимающей страны. При этом диаспоры оказывают влияние, порой существенное, на политику страны исхода посредством создания разного рода квазиправительств («правительства в изгнании»), борющихся за изменение действующих политических режимов на территории отечества (например, правительство Абхазии в Грузии, «чеченские комитеты» в США, Германии, Великобритании).

Не менее значимым игроком диаспора выступает на экономическом поле, организуя трансферты в страны исхода. Здесь можно говорить о позитивном влиянии на экономику страны исхода, поскольку масштабные финансовые вливания

частных лиц являются существенным аспектом развития экономики. Страна проживания в данном случае, помимо минуса, связанного с оттоком денежных средств за рубеж, получает ряд плюсов. Например, если перечисляется национальная валюта, она обеспечивает ее укрепление и легитимизацию на территории страны-контрагента, а также обеспечивает ее конвертацию.

Мы можем, по сути, констатировать, что община диаспоры является главным контрагентом государства на муниципальном, региональном, часто на федеральном уровне, поскольку система этнокультурной и национальной политики затрагивает интересы в первую очередь низового уровня институционализации диаспоры, т.е. общину.

Однако возникает проблема законного этнического представительства. Кто или какая из общин может претендовать на законность этнического представительства, например, в органах власти? Ведь диаспора не просто состоит из общин. Каждая община в своем составе имеет локальные сообщества, «фракции», основанные на кровнородственных отношениях либо на землячестве (региональности исхода). Кто и как, с помощью каких критериев и процедур определяет «реальность» той или иной группы, общины, их правомочность требований преференций?

Сложность, на наш взгляд, здесь заключается в следующем. Взаимодействие государства и диаспоры регулируется определенными правовыми отношениями, такими как, например, Концепция этнонациональной политики. И здесь необходимо выбрать, чему отдавать приоритет, – правам лиц, принадлежащих к общине диаспоры (этнокультурному меньшинству), или правам групп (меньшинств). Поскольку в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится немало подобных законов и законодательных актов, связанных именно с групповыми правами, этот вопрос становится весьма актуальным.

Вопрос о правомерности использования концепта групповых прав по отношению к этнокультурным меньшинствам неоднократно ставился и ставится как специалистами в области политической философии и философии права, так и юристами, работающими в области международного права и защиты прав меньшинств¹⁴. Значительная часть сомнений связана с ограничениями этнокультурной общины как группы, способной к согласованным эффективным действиям, и динамикой внутригрупповых процессов, определяющих идентичность ее членов¹⁵. Политика идентичности группы является здесь главным камнем преткновения, поскольку именно идентичность выступает основой солидарности и мобилизующим фактором для формирования группы. На групповом уровне границы, построенные на этнокультурной идентичности, становятся размытыми и «прозрачными» (по описанию Ф. Барта) за счет включения новых членов (напри-

мер, при заключении межнациональных браков) и исключения прежних.

Разработка критериев членства в случае этнокультурной общины заменяется самоопределением или смутными представлениями, кто должен и/или может претендовать на членство. Ясные критерии членства здесь невозможно выработать, поскольку часть членов будет обладать множественной идентичностью (смешанные браки) либо подвергаться оспариванию из-за отсутствия легитимности выбора критериев.

Таким образом, по мнению С. Соколовского, проблема правосубъектности этнокультурного сообщества заключена, с одной стороны, в природе рассматриваемых сообществ, которые не могут достичь степени организованности, позволяющей именовать их группами, а с другой – в неспособности к интерпретации, отправлению и защите собственных прав, «что предполагает наличие ясной и четкой идентичности и способности к эффективному действию, и, следовательно...к совместному размышлению и координированному действию в соответствии с целями»¹⁶.

Для разрешения этого спора, на наш взгляд, наиболее приемлемым видится углубленное понимание дефиниции термина «диаспора» предложенной В. Тишковым. Община диаспоры – «прежде всего ситуация, выделяющая в стилевом (поведенческом) отношении подвижные человеческие коалиции, и только через дискурсивную практику происходит своего рода конституирование диаспоры как группы, отличающейся от схожих групп и образований типа мигрантов, беженцев... которым так же свойственна идентификационная подвижность»¹⁷.

В целом, говоря о диаспоре в системе политических, внутригосударственных отношений, мы имеем дело с неким дискурсом, который обрел существенное политическое, эмоциональное значение и был ратифицирован посредством государственной национально-культурной политики и далее транслирован на эссенциалистский, бытовой уровень. Вслед за В. Тишковым мы считаем, что диаспоральный дискурс «стал изошренной формой разделения и отчуждения в политических целях существующих гражданских сообществ»¹⁸.

В современных условиях проблематика отношений этнокультурных меньшинств и большинства обретает новое звучание. Сложности интеграции современных этнических миграционных сообществ в поликультурную среду крупных городских центров обуславливают потребность в более глубоком анализе причин и факторов, детерминирующих процесс межэтнической коммуникации.

Примечания

¹ Никитин В.А. К понятию диаспоры. М., 1997. С. 110.

² См.: Тишков В.А. Этничность, национализм и госу-

- дарство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1/2; Он же. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспора. 2003. № 2. С. 160–184; Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003; Полоскова Т. Феномен диаспоры. М., 2000.
- ³ См.: Мукомель В.И. Кого относить к этническим меньшинствам // Сайт Центра региональных и этнополитических исследований. www.minorities.seprs.indem.ru. – 05.07.2009.
- ⁴ См.: Дробижьева Л.М. Теоретические вопросы этничности // Методические материалы сессии «Этносоциология. Социология конфликтов». М., 2004. С. 33.
- ⁵ См.: Соколовский С.В. Перспективы развития Концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С. 91.
- ⁶ См.: Eide A. Protection of Minorities: Second Progress Report (UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1992/37); Heckmann F. Towards The Development of a Typology of Minorities // Minorities: Community and Identity. Berlin, 1983. P. 9–23.
- ⁷ См.: Smith M.G. Some problems with a minority concepts and solution // Ethnic and Racial Studies. 1987. V. 10, № 4. P. 341–362; Schemmerhorn R.A. Comparative Ethnic Relation. N.Y., 1970.
- ⁸ См.: Eide A. Op. cit.
- ⁹ Heckmann F. Op. cit. P. 9–23.
- ¹⁰ Shain Y. The Frontier of Loyalty: Political Exiles in the Age of the Nation-State. Middletown, Conn., Wesleyan University Press, 1989.
- ¹¹ Тишков В.А. Увлечение диаспорой. С. 162.
- ¹² Там же. С. 174.
- ¹³ См.: Shain Y. Democrats and Secessionists: US Diasporas as regime Destabilizes // Intern. Migration and Security / Ed. by Miron Weiner. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993. P. 278–332.
- ¹⁴ См.: Pogge T.W. Group Rights and Ethnicity // Ethnicity and Group Rights / Eds. I. Shapiro and W. Kimlicka. N.Y.; L., 1996. P. 187–221; Осипов А.Г. Официальные идеологемы регулирования межнациональных отношений как фактор развития этнической конфликтности (региональный аспект) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 250–272.
- ¹⁵ См.: Соколовский С.В. Указ. соч. С. 34.
- ¹⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁷ Тишков В.А. Увлечение диаспорой. С. 180.
- ¹⁸ Там же.

УДК 323.232

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ «ЯЗЫКА ВЛАСТИ»

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynovayu@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме выбора метода при анализе современного политического дискурса. В ней рассматриваются основные подходы, разработанные русскими и зарубежными учеными для исследования средств массовой информации. На конкретном примере показываются преимущества использования комплексного подхода для изучения языка политики.

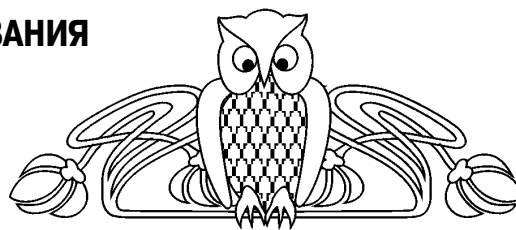
Ключевые слова: политический дискурс, метод, комплексный подход, риторика, коммуникативные стратегии и тактики.

Linguopragmatic Aspect of Value System Formation in Political Discourse

J.A. Martynova

This article is devoted to the problem concerning the choice of this or that method when analysing the modern political discourse. It considers the main approaches worked out by the Russian, European and American scholars, investigating Mass-Media. The analysis of a concrete example of a political discourse demonstrates the advantages of the complex approach.

Key words: political discourse, method, complex approach, rethorics, communication strategies and tactics.

Усиление интереса представителей разных областей науки к теории и практике политической коммуникации – языку власти – обусловлено интенсивным развитием политических технологий и возрастающей ролью средств массовой информации. Актуальность и важность разработки данной сферы проявились, в частности, в том, что целый ряд наук слился в один конгломерат, образовав новую современную отрасль – политическую лингвистику. С появлением дисциплин, изучающих явления социально-политической жизни общества через речевую деятельность, некоторые ученые связывают становление новой «интегральной» парадигмы знания. Е.С. Кубрякова считает, что к созданию новой парадигмы привело переосмысление деятельностно-антропологического подхода к языку: речевая деятельность рассматривается неразрывно с личностными, социокультурными и познавательными характеристиками говорящего¹. В рамках данного подхода уже выпущена серия работ, рассматривающих явление речемыслительной деятельности в русле когнитивного дискурсивного направления².